

Александр Данилевский (Таллин)
«Четырнадцатая трубка» И. Эренбурга:
«Возвращение Мюнхгаузена» С. Кржижановского

Заглавие сообщения (предложенное И. З. Белобровцевой) призвано высветить следующее обстоятельство: в написанной Кржижановским в 1927—1928 гг. повести главный ее герой (Мюнхгаузен) довольно часто курит трубку, и вообще в тексте произведения последняя упоминается множество раз¹; между тем известно, что «В 1922 <г.> новеллы <И. Г. Эренбурга>, даже не имеющие названий, были собраны <им> под общим заголовком — **“Тринадцать трубок”**». Книга приобрела большую популярность, а курительная трубка стала с тех пор неким символом Э<ренбурга>»². С другой стороны, рассуждения Мюнхгаузена о советской беллетристике нач. 1920-х годов содержат очевидную отсылку к еще одному прозаическому тексту Эренбурга той поры — к роману 1923 г. «Жизнь и гибель Николая Курбова» (подразумевается след. заяв-

© Alexander Danilevskii, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ См. (в описании внешнего вида Мюнхгаузена): «<...> и гость <...> увидел: <...> старый, <...> в потертом шитье, камзол; длинная шпага в обитых ножнах; изогнутая в бисерном чехле трубка; <...> тощая, растерявшая пудру косица <...>» (Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена: повесть // Кржижановский С. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 136; далее все цитаты из текста повести и ссылки на него даются по этому изд. с указанием страницы в круглых скобках). Ср. в др. местах: «<Мюнхгаузен:> — Мы, немцы, не научились обращаться даже с дымом. Глотаем его, как пену из кружки, не дав докружить и постлаться внутри чубука» (136); «снял трубку» и закурил (137); «клянусь трубкой» (142); «выкурив трубку» (149); «он долго сосет свою трубку», «вытряхнув пепел из трубки» (152); «берет в руки трубку и, хрипявая изредка чубуком» (157); «и только поздно за полночь трубка Мюнхгаузена вытряхивает пепел», «у сизого тягучего дымка трубки» (162); «Дым от старой трубки» (162-63); «наедине со своей старой трубкой» (226); «на подставке старая, обездымевшая трубка» (254).

² Попов В. В. Эренбург Илья ... // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Библиограф. словарь. <М.,> 2005. Т. 3. С. 793.

ление барона: «Кипы советской беллетристики привели меня к чрезвычайно отрадным выводам и прогнозам: в то время как газеты твердят о непримиримой ненависти класса к классу, беллетристика их не признает никакой иной любви, кроме как *любви чекиста к прекрасной белогвардейке* <Здесь и везде далее жирный курсив — наш. — А. Д.>, красной партизанки к белому офицеру, рабочего к аристократке и детитулированного князя или графа к простой черноземной крестьянке» — 207)³.

С третьей стороны, друг Мюнхгаузена, называющий его «**учителем**»⁴, а себя аттестующий «**поэтом**», носит имя «Эрнст Ундинг», заключающее в себе намек на фамилию все того же Эренбурга (**Эр—г**), начинавшего, как мы помним, со стихов; также и внешним видом своим Ундинг откровенно ориентирован на молодого Илью Григорьевича: «<...> лицо широкоскулое, под неяршливыми кочьями волос, с красной кнопкой носа и парой наежившихся ресницами зрачков» (136), — сравним это описание, например, с парижской, 1915 г., фотографией бывшего революционера и начинающего поэта⁵.

И, наконец, к сказанному необходимо также присовокупить следующее: начало действия повести Кржижановского отнесено к кронштадтским событиям марта 1921 г.⁶ (см.: «<...> из звездой сбежавшихся улиц кричащие рты мальчишек-газетчиков:

— Восстание в Кронштадте!

— Конец большевикам!» — 135), но, как мы помним, именно к этому моменту приурочена Эренбургом гибель его Хулио Хуренито, большого почитателя курительных трубок, на могиле которого один из его **учеников** — «**поэт Эренбург**» (литературный персонаж!), именующий Хулио не иначе как «**Учитель**» (с прописной!), — написал: «Осторожно! Здесь погребен Учитель Чело-

³ Ср.: «<...> **“Жизнь и гибель Николая Курбова”** (о романтической любви чекиста и контрреволюционерки, подосланной его убить) <...>» (Попов В. В. Указ. соч. С. 792).

⁴ См., напр.: «<Эрнст Ундинг:> — Если б вы знали, как вы для меня единственны, вы бы не говорили так, учитель!» (251).

⁵ См., напр.: *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1. С. 576—577 (вклейка).

⁶ Напомним: антибольшевистский мятеж 14 тыс. моряков балтийского флота и рабочих Кронштадта вспыхнул 28 февр. и был подавлен 18 марта 1921 г.

вечества Хулио Хуренито, убитый 12 марта 1921 года, в 8 часов 20 минут пополудни»⁷.

Иными словами, в предлагаемом сообщении выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что повесть Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» ориентирована на роман 1921 г. «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (и, соответственно, два главных героя Кржижановского определенным образом спроецированы на эренбургского Хуренито и на эренбургского же **поэта Эренбурга**), и дается самое общее ее (этой ориентированности) объяснение.

Напомним самое начало повести — встречу Ундинга с Мюнхгаузенем в Берлине, когда последовательно преподносится сначала изображение внешнего вида барона **глазами поэта**, а затем и воспоминания последнего об их первой встрече: «<...> гость <...> увидел: <...> старый, <...> в потертом шитье, камзол; длинная шпага в обитых ножнах; изогнутая в бисерном чехле трубка; <...> тощая, растерявшая пудру косица <...>»; «<...> но нашу первую встречу, пять недель тому, я как сейчас помню и вижу. Доска и столик под мрамор, случайное соседство двух кружек и двух пар глаз. Я — глоток за глотком, вы же сидели, не касаясь губами стекла, и только изредка — по вашему кивку — кельнер на место невыпитой кружки приносил другую, оставшуюся тоже невыпитой. Когда хмелем чуть замглоло голову, я спросил, что вам, собственно, надо от стекла и пива, если вы не пьете. “Меня интересуют лопающиеся пузырьки, — отвечали вы, — и когда они все лопнут, приходится заказывать новую порцию пены”. <...> до сих пор еще в моем мозгу кружит пестрая карусель, завертевшаяся там, у двух сдвинутых кружек. Мы пересекали с вами моря и континенты с быстротой, опережающей кружение земли. И когда я, как мяч меж теннисных ракеток, перешвыриваемый из стран в страны, из прошлого в грядущее и отбиваемый назад, в прошлое, выпав случайно из игры, спросил: “Кто вы такой и как вам могло хватить жизни на столько странствий?” — вы — с учтивым поклоном — назвали себя»⁸.

⁷ Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников ...: Роман // Эренбург И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1. С. 441.

⁸ Там же. С. 136; 137—138.

Приведенная сцена с очевидностью перекликается со сценой знакомства **поэта Эренбурга** с принятым им поначалу за черта Хуренито в «Главе I-й» романа, именуемой «Моя встреча с Хулио Хуренито. — Чорт и голландская трубка»: «26 марта 1913 года я сидел, как всегда, в кафе “Ротонда” на бульваре Монпарнас перед чашечкой давно выпитого кофе <...>»; «Он сел за соседний столик и, не глядя на меня, развернул вечернюю газету. Наконец, повернувшись ко мне, он приоткрыл рот. Я встал. Но далее последовало нечто совершенно невообразимое. Негромко, даже лениво как-то, он подозвал официанта: “Стакан пива!” <Пиво! Во Франции, в Париже, в “Ротонде” — в конце марта месяца! — А. Д.> — и через минуту на его столике пенился узкий бокал. Чорт пьет пиво! Этого пережить я не мог <...>»⁹; и далее (прямая речь Хуренито): «“<...> Вот вы, как я, любите трубки. У меня великолепная коллекция: английские из старого вереска “три-би”, венгерские черешневые, турецкие из красной глины Леванта с жасминовыми чубуками, голландские...” <...> Хуренито, расстегнув плащ, вытащил из бокового кармана брюк длинную голландскую трубку, хорошо обкуренную. Больше надеяться было не на что, ибо хвоста сразу не стало»¹⁰. После этого, как мы помним, потрясенный **поэт Эренбург** становится первым учеником Хуренито.

Далее можно заметить, что, подобно Хуренито, Мюнхгаузен более чем скептически относится к религии и религиозности (именуя это как «самое несуществующее» — 149; а о Боге — после посещения главного собора Лондона — отзывается так: «— Когда к Богу ни приди, никогда его нет дома» — 150), а если уж что из данной сферы его и занимает, так это прах более чем сомнительного «св. Никто» — “Der heilige Niemand” (см.: 158; ср. у Эренбурга — все в той же сцене знакомства персонажа **Эренбурга** с Хуренито, где первый восклицает: «“Пусть так, нет ни творца, ни смысла, ни добра, ни справедливости. Но есть *ничто*. А раз есть ничто, то, значит, есть реальность, есть смысл, есть дух и творец”. — “Мой друг, вы неисправимы. Ведь у вашего “*ничто*” тоже нет хвостика. А вот трубка здесь <...>”»¹¹.

⁹ Эренбург И. Указ. соч. С. 221.

¹⁰ Там же. С. 223—224.

¹¹ Там же. С. 225.

Далее. Мюнхгаузен столь же провокативен в решении тех или иных социальных проблем, как и Великий провокатор. Вспомним: этот последний в свое время «организовал с помощью специальных аппаратов световые плакаты на ночном небе Нью-Йорка. <...> горели величавым блеском письма: “Голодные — есть еще филе из бекасов. Прославьте дары цивилизации!” и т. п.»¹². А вот, в свою очередь, как Мюнхгаузен, этот новоиспеченный «Хуренито» Кржижановского, повествует о своей «борьбе» с голодом 1921 г. в России: «Я филантроп по натуре, <...> и я решил посильно помочь сожженной пожарами и солнцем стране: я дал шифрованную телеграмму — и вскоре из Европы прибыло несколько поездов, груженных зубочистками. Вы представляете, леди и джентльмены, те чувства, с каким население голодных губерний встретило эти поезда. Первый успех удвоил мои силы <...>» (194).

Подобно тому, как Хуренито в красной Москве был приговорен к расстрелу — всего лишь за критические высказывания о живописи комфутов¹³, Мюнхгаузена приговорили к той же

¹² Там же. С. 229—230. Ср. с еще более репрезентативными в этом плане речениями американского ученика Хуренито — мистера Куля: «1. Необходимо прекратить воровство не только репрессивными мерами. Для этого надо оградить нестойкие души бедняков от облазнов города, напомнить им о вечных благах, доступных всем. <...> над булочными вывешиваются огненные круги с надписью: “Не единым хлебом сыт человек”, над пивными: “Блаженны алчущие”, над магазинами готового платья: “Царство божие внутри нас” и т. д.

2. Обязать всех содержательниц публичных домов поставить в заведении автоматы с необходимыми для гигиены принадлежностями. На пакетах должно быть напечатано: “Милый друг, не забывай о своей чистой и невинной невесте”» (Там же. С. 232). Ср. в др. месте: «Мы едем с мистром Кулем в ресторан. У входа какой-то нищий просит су. Я снова поражаюсь энергии нашего нового друга. Поворачиваясь к просящему, он поднимает руку к небу: “Крепись, мой друг, там последние будут первыми”» (Там же. С. 236).

¹³ См.: «<...> когда мы вышли из <Политехнического> музея и сделали шагов сто, два изящных молодых человека очень любезно предложили нам продолжить путь в автомобиле и со всеми удобствами отвезли нас в ВЧК.

<...> Вечером нам пришли объявить, что мы приговорены к высшей мере наказания. “Что это?” — спросил я. “Так как приговорить нас к бесмертию не в их власти, то, очевидно, это самый банальный смертный приговор” — ответил мне Хуренито» (*Эренбург И.* Указ. соч. С. 391—392). И да-

мере наказания за проезд в московском трамвае не с тем билетом: «<...> спутав остановки, я взял вместо одиннадцатикопеечного билета восьмикопеечный. Контроль уличил меня. <...> Суд, отсоветовавшись, постановил: признав виновным, расстрелять... из пугачей» (203); «<...> меня поставили к стене против дюжины дул — и <...> расстреляли. Сняв шляпу, я извинился за беспокойство и вышел на улицу; теперь я был на положении условного трупа» (204)¹⁴.

Как нам также памятно, Хуренито встречался в Москве с Лениным и в их беседе речь заходила и о А. В. Луначарском¹⁵. В повести Кржижановского встречаем (см.: 192—193) завуалированное и игровое (недоброе) изображение первого наркома просвещения, «производящего» литературу. Что же касается Ленина, то нельзя сказать определенно: с ним ли встречается и беседует барон (в след. эпизоде: «Мы поднялись по лестнице в кабинет с тринадцатью телефонами. <...> сразу было видно, что предстоит разговор с человеком видным и значимым. Собеседник говорил кратко, предпочитая вопросительный знак всем иным, без вводных и придаточных. <...> Дослушав, человек снял картуз, и тут я увидел глаза и лоб слишком знакомые для всех, хоть изредка заглядывающих в иллюстрированные йирбуки, чтоб их можно было не узнать» — 190—191¹⁶). Однако Ленина и без того предостаточно в повести — вот только представлен он имплицитно. Прежде всего мы подразумеваем здесь следующий пассаж: «И, шаркая туфлями к теплой постели, барон смутно улыбается и бормочет:

лее: «Смертная казнь по отношению к вам и к гражданину Эренбургу заменяется принудительными работами и содержанием в концентрационном лагере вплоть до окончания гражданской войны» (Там же. С. 395).

¹⁴ См. также в др. месте: «— Помилуйте, какая ж я живая душа, когда меня условно расстреляли?» (219)

¹⁵ См.: *Эренбург И.* Указ. соч. С. 402—405.

¹⁶ Ср., однако, последнее процитированное предложение со след. местом в романе Эренбурга (в «Главе XXVII-й» «Великий инквизитор вне легенды»): «Войдя в кабинет <<Великого инквизитора>>, я только успел заметить чьи-то глаза, насмешливые и умные, понял, что надо бежать <...> Я не боялся ни пушек, ни пулеметов <...> и вдруг испугался добродушного дяди, который пять лет тому назад был в Париже моим соседом и пил “боки” в излюбленном мною кафе...» (Там же. С. 402).

— Мюнхгаузен спит, но дело его не смыкает глаз» (162), с очевидностью отсылающий к анонимному плакатно-пропагандистскому «слогану» 1924 г. «Ленин умер, но дело его живет»¹⁷.

В этом же плане представляет интерес и такая реплика Мюнхгаузена: «Отправляясь в страну, где все, от наркома до кухарки, — правят государством, я <...>» (176), столь же очевидно отсылающая к выражению «Каждая кухарка должна научиться управлять государством» (вариант: «Каждая кухарка будет управлять государством»), возникшему «не позднее 1921 г., на основе высказывания Ленина в окт. 1917 г.» в его статье «Удержат ли большевики государственную власть?»¹⁸

Но наиболее показательное описание вагона, в котором Мюнхгаузен якобы возвращался из советской России в родной **Bodenwerder**: «Для меня, как для условного трупа, особый вагон: это товарная, сбитая из красных досок клеть на четырех колесах; поверх двери мелом: “для скр. прт. гр.”¹⁹, над дверью зеленая ветка хвои. Мрачновато, но делать нечего: даю себя погрузить. Дверь <...> задвигается. Сидя в полной темноте, я слышу, как запломбировывают снаружи вагон» (224). Здесь, разумеется, отсылка к посмертному путешествию А. П. Чехова, привезенного из **Германии**, из **Badenweiler**’а в вагоне «для устриц», но здесь же и очевидный намек на «запломбированный вагон», в котором Ленин проследовал весной 1917-го по Германии на пути в Россию.

Вместе с тем главный герой Кржижановского отнюдь не во всем повторяет Хуренито и его деяния. Однако и в тех случаях, когда налицо расхождение Мюнхгаузена с его литературным прототипом, этот последний остается актуальным и тогда мы имеем дело с инверсированием прототипической связи. Так, например, мы помним, что в романе Эренбурга Великий провокатор представлен чуть ли не зачинщиком 1-й мировой войны (отсылаем к «Главе X-й» романа, именуемой «Германия. — Штраф в шесть марок и организационные способности Шмидта»²⁰ и «Главе XII-й»,

¹⁷ См. об этом, напр.: Душенко К. В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировки. М., 1997. С. 435.

¹⁸ Душенко К. В. Указ. соч. С. 200.

¹⁹ Очевидно, «для скоропортящихся грузов».

²⁰ В этой связи см., в частности, след.: «В начале 1914 года в характере и в образе жизни Учителя произошла резкая перемена. <...> Он стал серье-

именуемой «Таинственные разъезды учителя и легкомысленное поведение учеников»²¹). Мюнхгаузен же, напротив, развивает энергичнейшую и динамичную деятельность по завершению войны и по дипломатическому и юридическому его оформлению (см. 138—175 и др.)²², курсируя между теми же самыми центрами европейской политики, что и Хуренито.

Наконец, можно и вовсе допустить, что замысел повести о новом пришествии знаменитого барона или хотя бы импульс к ее написанию Кржижановский почерпнул из следующего «свиде-

зен, почти мрачен. Часто он уходил от нас, и я встречал его в обществе самых различных людей: сербских студентов, германских коммивояжеров, до крайности подозрительных, и французских финансистов. Как-то я застал его даже с русским монахом, любимцем аристократок, кутивших в Париже, который кричал на Хуренито: “Плюю, лягушка, в мурло твое! Рассыпся, антихрист, бисером свиным!” А потом шептал: “Накиньте, батюшка, сто катенек — проведу без заминки!” Учитель не объяснял нам, зачем ему нужны эти люди. Ночи напролет он сидел над скучными изысканиями, как-то: статистикой германского или английского экспорта, продукцией различных угольных бассейнов и прочим. На стенах теперь вместо картин Пикассо и Леже висели карты африканских колоний и сложные диаграммы» (*Эренбург И. Указ. соч. С. 288*).

²¹ В этой связи см. прежде всего след.: «<...> Учитель беспрерывно уезжал из Парижа то в Германию, то в Вену, то в Лондон. Он категорически отказался рассказать что-либо об этих поездках: я так и не узнал, зачем он спешил на свидание с каким-то крупным заводчиком в Берлине и что делал в течение двух недель в милой, веселой Вене. В своем дорожном широком плаще, с неизменным портфелем, переключивающийся из одного международного экспресса в другой <...>» (*Эренбург И. Указ. соч. С. 301*).

²² В этой связи ср. с романом Эренбурга — в «Главе XVIII-й»: «Хуренито прежде всего очень весело и чистосердечно рассмеялся.

“Наивные ребята, вы думаете, что так легко кончить войну? Этого никто не может, даже те, кто ее начал: дипломаты, политики, заводчики, императоры, проходимцы, народы — никто! Мне тоже война не слишком нравится <...> Начатая в припадке апоплексии от избытка неразумных сил, от несправедливого, хищного, краденого богатства, она кончится только, когда разрушит то, во имя чего начиналась: лицемерную культуру и левиафана — государство!” (*Эренбург И. Указ. соч. С. 337—338*); в «Главе XX-й»: «Вы клянете войну, а она даже не шаг, она прыжок в грядущее. Она убила все, во имя чего началась, и родила все, что должна была убить. “Война во имя свободы”, и оказывается, что народы созрели для великого, откровенного ярма, она больше не могла выносить фикции свободы, ее призрачных благ» (Там же. С. 360).

тельства» **поэта Эренбурга** в романе о Хуренито: «Один раз, на выставке работ итальянских футуристов, Учитель сказал мне: “Здесь особенно ясен тупик современного искусства. <...> По крайней мере, за упразднением искусства остаются приключения барона Мюнхгаузена!”» (281)

Всего сказанного, думается, достаточно для вывода: повесть «**внутреннего эмигранта**» Кржижановского сознательно ориентирована на знаменитый сатирический роман постоянно **проживающего в эмиграции обладателя советского паспорта** Эренбурга. А вот однозначно и с определенностью ответить на вопрос: какова прагматика всех этих переключек и проекций, не представляется возможным. Похоже, объяснений тут несколько.

Прежде всего: предпочтение, отданное Кржижановским Эренбургу, объясняется, скорее всего, фактом их личного знакомства: в этой связи напомним, что Кржижановский — уроженец Киева и проживал в нем до 1922 г., Эренбург же, как известно, «После закрытия в июле 1918 <г.> подавляющего большинства газ<ет> <...>, опасаясь ареста, бежал из Москвы и осенью обосновался в Киеве, где, не изменив своих позиций, работал в местной печати. Этот период творчества (Москва, Киев, Ростов), когда публицистика Эренбурга поднялась до уровня, не превзойденного писателем и впоследствии, советской критикой, по существу, был выкинут из творческой судьбы писателя, о нем никогда не вспоминали, чему немало способствовал и сам писатель, не без оснований полагая, что выгащенные из забвения его статьи могут послужить причиной не только серьезных неприятностей, но и репрессий»²³. Видимо, в тот период писатели и познакомились.

Говоря об означенном предпочтении Кржижановского в период работы над «Мюнхгаузеном», не будем также забывать, что «Начало 1920-х стало одним из самых продуктивных и значительных периодов в творчестве Эренбурга»²⁴. (В данной связи напомним: «В 1924 <г.> писатель опубликовал “**Любовь Жанны Ней**” — трогательную остросюжетную мелодраму в диккенсовском духе, а в 1925 <г.> рассказал в романе “**Рвач**” о перерождении изначально преданных коммунизму комсомольцев в хапут и преступников. В следующем году был опубликован роман “**Ле-**

²³ Попов В. В. Эренбург Илья... С. 792.

²⁴ Там же.

то 1925 года” — натуралистическая история о скитаниях люмпенов, а в 1927 <г.> — роман “В Проточном переулке” — о нэпе в России, о беспризорниках и гибнущей интеллигенции. В 1928 <г.> был написан мудрый философский роман “Бурная жизнь Лазика Ройтшванца” <...>»²⁵). Ориентация на столь маститого и «модного» писателя несомненно поднимала и литературный статус литератора, на него ориентирующегося.

Помимо всего прочего, интертекстуальная связь повести о Мюнхгаузене с романом Эренбурга мотивирована сюжетно — оговоренным выше «серьезным знакомством» барона с советской беллетристкой. Но это, конечно, из разряда заведомо ложных авторских объяснений-обманок: это все равно, что объяснять актуальность истории Хуренито для Кржижановского тем обстоятельством, что в период, который (весьма размыто) изображен в повести, Эренбург проживал (1921—1923) на родине Мюнхгаузена, в Германии и был весьма заметной фигурой художественной и общественной жизни Берлина (хотя, отметим в скобках, и подобное объяснение не следует сбрасывать с общего счета).

Весьма вероятно также и последовательно реализованное намерение Кржижановского противопоставить свою «философическую сатиру-фантазмагорию» (жанровое определение издателя и комментатора текста В. Перельмутера²⁶, опирающееся, впрочем, на высказывания самого Кржижановского) — «роману-памфлету», «роману-сатире», «сатирической энциклопедии» Эренбурга²⁷, т. е. здесь имело место творческое соперничество-соревнование: желание младшего превзойти старшего и открыть новые — по его мнению — эстетические горизонты, наметить новые творческие ориентиры.

Но не менее вероятно также и желание того же «младшего» опереться на опыт и авторитет Эренбурга в деле проведения через советские цензурные рогатки сомнительного с точки зрения официальной идеологии и эстетики текста. Сам Кржижановский не питал больших иллюзий на этот счет и потому сознательно

²⁵ Там же. С. 792—793.

²⁶ См.: Перельмутер В. Комментарии // Кржижановский С. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 633.

²⁷ Ср.: «Роман-фельетон, роман-обозрение, сатира, жития и т. д. — это пишут о “Хуренито” уже 70 лет» (Фрезинский Б. Комментарии // Эренбург И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1. С. 616).

ориентировался — и, соответственно, ориентировал свой текст — на исторический прецедент: публикацию более чем критичного по отношению к большевистскому режиму романа Эренбурга в советской России в 1923 г.²⁸ и (что особенно примечательно) переиздание его **дважды** в 1927 г.²⁹ (т. е. в самый разгар работы Кржижановского над повестью). Однако, как известно, «уже в следующем, 1928 г., издательство “Земля и Фабрика” смогло издать ее <«сатирическую энциклопедию» Эренбурга> лишь с купюрами»³⁰, повесть же «Возвращение Мюнхгаузена» в силу тех же причин политико-идеологического характера не была издана вовсе.

²⁸ В этой связи напоминаем, что роман о Великом провокаторе, написанный за 28 дней в июне-июле 1921 г. и изданный осенью того же года в Берлине (в изд. А. Г. Вишняка «Геликон» тиражом 3000 экз.), был в нач. 1923 г. переиздан ГИЗом «большим по тому времени тиражом — 15000 экз. Издание открывалось предисловием Бухарина <...>» (Там же. С. 613).

²⁹ См. об этом, напр.: Там же. С. 615.

³⁰ Там же.